

Полевой энтомолог А.А. Любищев, исходивший всю европейскую часть Советского Союза и частично среднеазиатскую, приехал в Ульяновск на должность завкафедрой зоологии в 1950 году.

Почти одновременно с ним на работу в пединститут приехали филолог Н.Я. Мандельштам, историк Н.Г. Левинтов, историк И.Д. Амусин, зоолог Э.Р. Геллер. И, как отметил ученик Любищева Р.В. Наумов, институт заблистал: образовалось некое интеллектуальное поле... Энтомолог Любищев привнёс на кафедру новое научное направление – практическую энтомологию, а его непосредственные ученики – Н.Н. Благовещенская, Р.В. Наумов, Л.А. Грюкова и Н.П. Синягина впоследствии на долгое время остались для студентов любимыми и преданными науке преподавателями.

«Учреждение — это я!»

Два с половиной года Любищев был доволен обстоятельствами своего выбора работы в Ульяновске. Но весной 1953 года антисемитская позиция нового директора Старцева привела к тому, что Любищев, заступившись за своих новых коллег и друзей, написал резкий протест против систематического разгона кадров. В том году Любищев уже был поглощён работой по развенчанию мифа о так называемой мичуринской биологии и, в особенности, по разоблачению преступной деятельности «руководителя» всей сельхоз и биологической науки в стране – Т.Д. Лысенко. Он выступил со своим первым вариантом «антитрофимовского» памфлета – «Об аракчеевском режиме в биологии» и познакомил с ним своих друзей – ленинградских и московских учёных. Затем, к осени 1953 года, перерабатывая памфлет в первую главу своей беспримерной по мужеству теоретической (прежде всего теоретической!) книги «О монополии Т.Д. Лысенко в биологии», послал её Н.С. Хрущёву, параллельно крупным учёным и в с/х отдел ЦК. Но провинциальный вуз оказался настоящей крепостью. Строптивного профессора решили проработать, как следует, подключили сельхозинститут с его

директором Красотой, не дремали не в меру идеологически выдержанные работники обкома.

Сейчас уже нет нужды пересказывать то, что уже печаталось на страницах печати. Да, правда восторжествовала по отношению к Любищеву, директора-антисемита сняли с работы, к Любищеву уже к осени 1954 года отношение изменилось на подчёркнуто предупредительное. К нему на консультацию стали даже ходить аспиранты с кафедры философии(!), но... в институте уже не смогли работать ни профессиональный лингвист, владевшая 20 языками Н.Я. Мандельштам, ни знаток древних рукописей И.Д. Амусин. Ушёл Э.Р. Геллер. И Любищев решил уйти на пенсию. Шёл 1955 год.

Однако, по свидетельству его дочери, ульяновский период жизни учёного оказался самым плодотворным. Как ни странно самыми плодотворными для Любищева оказались годы жизни с 60 до 82-х лет! В ульяновский период были написаны многие крупные работы: книга «О монополии Т.Д. Лысенко в биологии» (опубликована оргкомитетом Любищевских чтений лишь в 2006 году!), основной философский труд «Линии Платона и Демокрита в истории культуры»,

«Наука и религия», «Расцвет и упадок цивилизаций» и цикл общепублицистических статей, опубликованных в СССР, США и вышедших в 1982 году в сборнике «Проблемы формы, систематики и эволюции организмов». И все книги, повторюсь, опубликованы после смерти.

Это сейчас о Любищеве сообщают все российские энциклопедии, сняты фильмы. Это сейчас вузы гордятся тем, что в их стенах проводятся научные конференции памяти энциклопедиста. А тогда?

Тогда десятилетиями не печатались его работы, и не только теоретические или философские, но и сугубо исследовательские, правда, с применением биометрии, но узко практические – по защите сельскохозяйственных растений от насекомых-вредителей. Тогда Любищев прекрасно видел и осознавал трагическое несоответствие советского общества самой идее социализма, осознавал и – задумал именно в ульяновский период своей жизни грандиозную книгу под названием «Философия социализма». Сын миллионера, внук почётного гражданина Санкт-Петербурга, верил, что «человеческая история – великая эстафета на пути к социализму». И вот сегодня, спустя несколько десятилетий, Люби-

шев – признанный теоретик науки, философ, энциклопедист, мыслитель.

Александр Александрович Любищев не ставил априорных пределов возможностям познающего разума, и в философии следовал линии Платона, отстаивая примат духа над материей. В биологии, подготавливая фундамент для периодической системы организмов наподобие периодической системы химических элементов, доказывал множественность факторов эволюционного развития, критикуя и одновременно высоко ставя взгляды Ламарка, Дарвина, Берга, отводя при этом естественному отбору весьма незаметную роль. В публицистике развивал идеи великих гуманистов М. Ганди, Л. Толстого, А. де Сент-Экзюпери, Т. де Шардена. В качестве факторов расцвета и упадка цивилизаций (в истории) называл наличие прогрессивной идеологии вместе со свободой её пропаганды и волей к существованию прогресса.

Время Любищева началось в середине 60-х годов – с ослаблением идеологического пресса, и взгляды Любищева оказались востребованными. Сколько выступлений учёного прозвучало в Москве, Ленинграде, Новосибирске! В Ульяновске Любищев отсутствовал по 2 месяца в году – был в разъездах. Опубликовав при жизни только 69 работ (в основном, по с/х энтомологии), Любищев оставил после себя гигантский архив, насчитывавший сотни томов, включая 28 томов писем к 700 корреспондентам. В наследии учёного множество работ по теоретической биологии, с/х энтомологии, прикладной математике, отечественной и мировой истории, литературе, философии, педагогике, практической юриспруденции.

По моим данным, на сегодня опубликовано менее четверти его трудов. Интерес к теоретическим работам Любищева оказался столь силён, что уже с 1973 года стали проводиться научные конференции его памяти в Ленинграде и Москве, ежегодно с 1987 года в Ульяновске, каждые пять лет с 1990 года в Тольятти. Одна из них, проводившаяся одновременно в Москве, Тольятти и Ульяновске – в 1990 году – называлась «А.А. Любищев – энциклопедист XX века». Литература об учёном на тот период уже превышала 100 наименований. Каков же он был в жизни? Попробуем составить мнение о нём.

Интересно, что Любищевым были написаны тысячи писем, в ульяновский период жизни за год – примерно по 200 писем (замечу, что любищевские письма весьма редко были объёмом в одну страницу; чаще всего, напечатанные на машинке, они представляли собою настоящие исследования какого-либо вопроса, захватывая десятки страниц машинописи, например, юристу Словенко – 82 страницы!). И Любищев был потому всегда в эпистолярном цейтноте: в 1958-м пишет Велле, что задолжал 33 письма, и всё из-за Лысенко, в 1962 году вдове зоолога Давыдовой (во Францию) – 60 писем, в 1965 году Воскресенскому – 48 писем, требующих незамедлительного ответа.

Эпистолярный цейтнот Любищева

Из письма генетику и историку науки Голубовскому: никакой удивительной работоспособности у него нет, всю жизнь он тщательно конспектировал прочитанное, а сейчас некоторые окончательные тексты пишет сразу набело.

Энтомологу Палию: по поводу своих непечатных работ не стоит огорчаться. Пифагор и Сократ не оставили ни одной написанной строчки, но оба оставили эпоху в науке и философии. Напоминает пословицу: кто положил руку на плуг и оглядывается назад, тот не пахарь.

Филологу Мандельштам: с Беклемишевым он сходится в оценке английских авторов XIX века, но полностью расходится в отношении французских, но оба ценят древнегреческих трагиков. Пишет, что очень слабо у него выражена поэтическая потребность (почти в это же время пишет инженеру Голубу, что перевёл на английский язык стихотворение Брюсова «Грядущим гуннам».

Физиологу Холодному: будучи нигилистом, Любищев обидел Гурвича непочтительностью к Канту, Беклемишева – к Данте, Кузина – к Шекспиру, Гёте, а Холодного – к Дарвину.

Физиологу Холодному: верующие считали Любищева атеистом, атеисты – мракобесом, философы естествоиспытателем, естествоиспытатели – математиком или философом...

Эволюционисту и экологу Яблокову: на своё 80-летие Любищев получил 56 телеграмм и 47 письменных адресов. От Московского общества испытателей природы: «От правверных адептов святой синтетической теории её блистательному противнику» 19 подписей. Почтальонша, обслуживающая дом Любищева, передавая ему поздравления, сказала: «Какой фундамент Вы создали!»

Генетику Голубовскому: от Всесоюзного института защиты растений к нему приезжал представитель с адресом (117 подписей). Директор этого ВИЗРа в 1937 году обвинил Любищева во вредительстве и ходатайствовал о лишении его докторской степени. Любищева от тюрьмы спасло только то, что сам директор ВИЗРа был обвинён и смещён с работы.

Энтомологу Воробьеву: не было только поздравления от пединститута, о чём Любищев несколько не сожалеет.

Эмбриологу Белоусову: сейчас я могу сказать, что учреждение – это я! Ко мне приезжают (для консультаций – А.М.) командировочные люди (из Ленинграда, Киева, Борка...) и регистрируются в пединституте, хотя я там уже 7 лет не работаю!

Филологу Велле: о съезде писателей РСФСР в 1965 году: сплошное подхалимство! Энтомологу Караваевой: если бы Лысенко не был так невежествен и вздорен, то можно было

подумать, что им руководила какая-то вражеская сила. Любищев недооценил наглость Лысенко и трусость огромного большинства наших учёных. За свержение лысенковской чуши придётся начать борьбу с дарвинистами, т.к. сочинения Дарвина были важным этапом в развитии биологии, но сейчас основатель устарел.

Зоологу Передельскому: Передельский советует Любищеву работать с Лысенко. Любищев отвергает возможность, приводя исторический прецедент о взаимоотношениях тирана Дионисия (из Сиракуз) и Платона, «который тоже не в сапог сморкался»; известно, чем кончилось дело, когда Платон приехал к Дионисию с намерением внедрить в производство свои государственные проекты.

Историку науки Райкову: единоличная власть портит всех без исключения, об этом достаточно хорошо было сказано ещё Платоном.

Эмбриологу Завадовскому: поведение человека нельзя непосредственно вывести из поведения животных. Неприемлема ни механизация животных, ни особачивание человека.

Историку науки и генетику Голубовскому: эстетика – не побочный элемент культуры, но более трудная загадка, чем жизнь или материя.

Зоологу Терентьеву: Фрейд прав лишь частично, считая, что подсознание связано с дочеловеческим уровнем. По Любищеву сознание связано и со сверхчеловеческим уровнем.

Энтомологу Воскресенскому: на сравнение Любищева с Мао Цзедунем (по поводу того, что Любищев в 1966 году купался 53 раза, побив тем самым свой рекорд) Любищев ответил: «Если хунвейбины окажутся в Ульяновске, то у него будет прекрасное средство защиты».

Энтомологу Циопкало: комментирует евангелие на французском языке: заповедь «блаженные нищие духом, яко тех есть царствие небесное». Во французском оригинале – бедные. Но выражение «блаженные бедные духом» бессмысленно, ибо бедный человек – обладает небольшим количеством ценностей, а нищий – просящий об их увеличении. Пример бедного человека – Диоген, нищий Плюшкин. Но пример нищего духом – Сократ!

Инженеру Голубу в Дубровлаг: Голуба из-за прегрешения посадили

в тюрьму и лишили научной степени. Любищев пишет письмо в ВАК, указывая (1970 г.), что такого не было даже во времена Сталина.

Энтомологу Воробьеву: касаясь различия Востока и Запада Любищев пишет, что инквизиция не получила такого развития (как в Испании) просто потому, что у нас не было такого количества учёных, которое появилось в Средние века в Западной Европе. Но у нас была более ужасная вещь, чем инквизиция – опричнина (при Иване IV и Сталине).

Энтомологу Воробьеву: узнав, что Воробьев отсидел 16 лет в лагере, Любищев написал, что этот факт его глубоко тронул, т.к. Воробьев сохранил бодрость и смелость духа. Любищев пишет, что такие лица ему известны, но очень редки.

Энтомологу Гилярову: по справочнику 1957 года Любищев являлся единственным членом международного биометрического общества от СССР.

Зоологу Алпатову: возражает Алпатову в том, что не надо больше критики – авгиевы конюшни не вычищены, отсталость нашей культуры в том, что она невежественна (1956 г.)

Юристу Словенко (на англ. языке в США): пока цивилизованное общество не повысит уровень своего

неприятия человекоубийства в любой форме, включая войны, кровавые революции, смертную казнь, аборт и пр., всегда будет риск попасть в ситуацию Римской империи: человечество погибнет от внутренней коррупции.

Энтомологу Рошонок: ленинизм спор решил в пользу диамата и при Сталине это привело к полному застою во всех областях знания.

Зоологу Передельскому: в средние века было несравненно больше свободы мнений, чем в настоящее время.

Так каким же был Любищев? Выхватим из писем самые яркие характеристики: энтомолога Шкапельберга – инцидентноспособный человек; генетика Светлова – ересиарх (даже не еретик – ересиарх!); зоолога Давыдова – блестящий фонтан идей; энтомолога Турдакова – бузотёр в высших сферах; неизвестного автора – прирождённый адвокат дьявола.

Но Любищеву по душе было определение, данное техничкой Елизаветой Сердитых, данное ею ещё в Перми в 1924 году: весёлый и плешастый! (т.е. лысый). Весёлый и плешастый!

*Анатолий Марасов,
председатель оргкомитета
Любищевских чтений*

Дорогие друзья! Пользуясь случаем, приглашаю Вас на ежегодную научную конференцию памяти энциклопедиста А.А. Любищева (Любищевские чтения) 6-8 апреля 2009 года в 105 аудиторию УГПУ в 14-00.

Приходите, и Вы увидите научных работников со всей России, работников разных специальностей, которые будут говорить о Любищеве, потому что если Вы спросите меня, кто же такой Любищев, я отвечу – университет.